

Дядя Ваня — эпизод 6 из 14

Вера Петровна, бывало, все убивается, все плачет... Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа... Иди, иди, батюшка...

, Соня и Марина

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говорит со мною вот уже две недели; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать... Неблагополучно в этом доме.

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Вы, Иван Петрович, образованны и умны и, кажется, должны бы понимать, что мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг... Ваше бы дело не ворчать, а мирить всех.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собою! Дорогая моя...

(Припадает к ее руке.)

Елена Андреевна. Оставьте! (Отнимает руку.) Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну.

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. (Хочет идти.)

Спокойной ночи.

Войницкий (загораживая ей дорогу). И если бы вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, поймите...

Елена Андреевна (пристально смотрит на него). Иван Петрович, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть...

Елена Андреевна. Где доктор?

Войницкий. Он там... у меня ночует. Может быть, может быть... Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня пили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне,
Нélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы так много не говорили... Идите спать! Мне с вами скучно.

Войницкий (припадая к ее руке). Дорогая моя... чудная!

Елена Андреевна (с досадой). Оставьте меня. Это, наконец, противно.
(Уходит.)

Войницкий (один)

в сюртуке, без жилета и без галстука; он навеселе; за ним Телегин
Астров. Играй!

Телегин. Все спят-с!

Астров

Ты один здесь? Дам нет? (Подбоченясь, тихо поет.) Ходи хата, ходи печь,
хозяину негде лечь... А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который
теперь час?

Войницкий. А черт его знает.

Астров. Мне как будто бы слышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Астров. Роскошная женщина. (Осматривает склянки на столе.) Лекарства.
Каких только тут нет рецептов! И харьковские, и московские, и тульские...
Всем городам надоел своею подагрой. Он болен или притворяется?

Войницкий. Болен.

Астров. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Астров. А то, может быть, в профессоршу влюблен?

Войницкий. Она мой друг.

Астров. Уже?

Войницкий. Что значит это уже?

Астров. Женщина может быть другом мужчины лишь в такой
последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Астров. Как? Да... Надо сознаться, становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян.
Обыкновенно, я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком
состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё
нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую
самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудачком и
верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную! И в это
время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы,

представляетесь мне такими букашками... микробами. (Телегину.) Вафля, играй!

Телегин. Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми же в доме спят!

Астров

Извините, я без галстука. (Быстро уходит; Телегин идет за ним.)

Соня. А ты, дядя Ваня, опять напился с доктором. Подружились ясные соколы.

Ну, тот уж всегда такой, а ты-то с чего?